

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»

Лавреникова Александра Сергеевна

Ученица 11 класса МАОУ Богандинская СОШ №1

Рассказ «Листая старый бабушкин альбом»

Как много желтых снимков на Руси

В такой простой и бережной оправе...

Н.Рубцов

Листать чужие фотоальбомы всё равно что окунаться в чью-то историю. Никогда не знаешь, что скрывается за фотографией. Думаю об этом и вспоминаю семейные альбомы.

Передо мной старый альбом. Красный, больше напоминающий альбом для рисования. Фотографии в нем прикреплены уголками к белым листам, пожелтевшим от времени. Я листаю альбом, смотрю на чёрно-белые фотографии, и мне кажется, что я прикасаюсь к истории. Кто все эти люди?!

Иду к прабабушке за ответом. Бабушка с трепетом раскрывает альбом, начинает рассказ: дедушки, бабушки, тети и дяди проходят перед моими глазами. История семьи...

Семья. Эта пожелтевшая от времени фотография одна на развороте. В центре маленькая девочка. Какое серьезное лицо! Какой взрослый, совсем не детский взгляд! Она крепко держится за руку усталой женщины, которая, должно быть, её мама. Вожу пальцем по лицам, спрашивая у бабушки, кто есть кто? Мама, папа, дяди Лёша и Лев, тётя Яна, сестра Лея... Пара близких друзей. И мальчик. Волосы светло-русые, а глаза смотрят на бабушкиного отца. На других фотографиях этого мальчика не было.

- А это кто? – интересуюсь у бабушки.

Бабушка долго молчит, перебирая пальцами оборки своего платья, глядя куда-то мимо стола, она словно находится далеко отсюда, где-то в своих воспоминаниях.

- Это Максимка, мой брат, - голос дрожит, - Это единственная фотография, на которой он есть.

Мне любопытно услышать историю о нем, но не хочу расстраивать бабушку, собираюсь перелистнуть страницу, она мягко отстраняет мою руку, останавливаясь на этой фотографии.

- Я маленькой была, лет восемь. Плохо помню, что было тогда. Мне мам рассказывала, как все было на самом деле. Мальчику было шесть. Максим, самый младший, единственный сын.

- Семья тогда жила в деревне, далеко-далеко отсюда, Карелия была нашей малой родиной, самой близкой сердцу. Сюда, на Тюменскую землю, мы приехали после войны.

- Все случилось в начале Великой Отечественной войны. Финляндия была союзницей Германии, а Карелия была... Очень близко к Финляндии. Враги вторглись на нашу землю, как саранча. И наша семья оказалась в руках финнов. Это было зимой...

Бабушка продолжает говорить, а я вижу: на мотоциклах по улице деревни едут солдаты. Вмиг воздух наполнился противным запахом газов и ужасным ревом десятков мотоциклов и машин. Максимка с удивлением прильнул к окну: ему интересно, что происходит? Столько техники он не видел никогда! Солдаты врываются в избы, со смехом прикладами выгоняют людей из домов на улицу, даже не давая им возможности одеться. Вот и дом Максимки. Фашисты врываются к ним вместе с холодными клубами пара, дико хохочут, хватают Максимку. Мама кричит, пытается вырвать его из рук здоровенного фрица, мальчик трясется от страха, не понимая, что происходит, а его сестра схватилась за юбку матери, не зная, что делать от ужаса. Солдаты выбрасывают Максимку на улицу, прямо в сугроб.

На улице дикий холод, он пронизывает до костей, у Максимки немеют ручки и ножки. Но мальчику страшен не мороз, страшно, что там, за спиной, стоят фашисты и могут от нечего делать полоснуть очередью из автомата по маме, сестре и ему, маленькому Максимке. Добежать бы до сарая и там укрыться.

Вот оно, спасение, темный покосившийся сарай! Разве можно было подумать, что он станет домом для матери с маленькими детьми той самой страшной зимой 41-42 года!

- Нам в сарае пришлось жить. Это было немногим лучше улицы. Тот же холод, - продолжает бабушка.

Максимка лежит тихонько, зарывшись с головой в солому, только так и можно хотя бы немного согреться. Мама берет его ледяные ручки, греет их дыханием, растирает ножки, которые совсем занемели. Сестричка прижимается к нему покрепче, детям очень холодно. Если бы побегать, размяться, согреться, но нельзя шуметь, нужно лежать тихо, там, во дворе, ходят фашисты, смеются, напевают песни. Призывно хлопают двери их дома. Там тепло и уютно, топится печка, в сарай пробивается запах дыма и хлеба. Хуже холода голод. Есть Максимка хочет сильно, так сильно, что даже тошнит от голода. Хотя бы корочку хлеба. А ведь совсем недавно не знали, как накормить Максимку!

И снится Максимке сон: он дома, топится печка, вкусно пахнет пирогами. Мама стоит у печки, ласково зовет сына: «Вставай, Максимка, кушать пора».

Проснулся мальчик – нет ничего: ни дома, ни печки, ни пирогов! Мама тормошит сынишку – боится, что замерзнет во сне. Нужно подвигаться.

- Максиму было шесть. Едва ли он понимал, что происходит. Едва ли мог понимать, кем были люди, забравшие его дом, - вздыхает бабушка.

Максимка потихоньку открывает двери сарая. Мама еще утром ушла поискать хоть какой-нибудь еды для детей. Велела не выходить на улицу. Сестра уснула, зарывшись в солому. Максимка высунул голову на улицу. Как

же хочется выбежать во двор, пронестись, как вихрь, на улицу, как раньше. Но нельзя, во дворе эти страшные люди! Один фриц заметил Максимку, улыбаясь, позвал к себе. Страшно мальчику, но и любопытно. Тихонько приблизился мальчик фашисту. Тот достал шоколадку из кармана, зовет к себе. Осмелел Максимка, подошел к немцу, а тот схватил мальчика, достал дымящуюся сигарету изо рта и потушил прямо о щеку мальчика. Максимка закричал от ужаса и невыносимой боли, сердечко мальчика забилося в горле. На крик братишки выскочила сестра из сарая, бросилась к фрицу, колотит его своими кулачками, пытается вырвать Максимку. Высыпали из дома фашисты, хохочут, пальцем показывают. Еле живого утащила девочка братишку в сарай.

- Максимка потом без памяти два дня лежал, в себя прийти не мог, - плачет бабушка.

Вот уже неделю не встает Максимка, обессилел, отощал совсем, кашель мучает его, дышать тяжело. Зато совсем ему теперь не холодно, даже жарко, это у Максимки температура. Мама плачет над Максимкой, целует его ручки, ножки, прижимает к себе. Плачет в уголке сестренка. Не плачь, мама, не надо! Все будет хорошо. Хорошо... Закрыл Максимка глаза.

- Максиму было всё ещё шесть, когда он умер, - бабушка вытерла набежавшую слезу. – Похоронили мы его прямо за сараем. Через месяц. Когда земля немного оттаяла. Он легкий такой был. Мы с мамой две ночи подряд ему могилку рыли.

- А на следующую ночь мама подожгла дом вместе с фашистами, и пока они из дома выбирались, мы убежали, долго пробирались к своим, много натерпелись. Нас эвакуировали, так мы и оказались на Тюменской земле. А фотографию эту мама на свое золотое обручальное кольцо у фашистов выменяла, как будто знала, что это все, что останется у нас от Максимки. Берегла ее, как говорят, пуще глаза. Вот и ты береги.

Я придвинулась к бабушке и прижалась к ней плечом. Русоволосый счастливый мальчик смотрел на меня с фотографии. Сердце мое сжалось.

Я закрыла альбом. Я сберегу, бабушка, я сберегу.